

В древности «йен», то есть рукав одежды был широким и длинным. Когда люди поднимали руки, рукава напоминали птичье крыло. Позже эти рукава усовершенствовались, их прикрепляли (пришивали) только к плечу, а к их краю добавили элемент – «ельджек» (покрывающий руку), или йенг, который в современной научной литературе «символизирует лист, миндаль, птичий клюв, птичий коготь».

Для усиления эстетического впечатления, рукава – «атмагол» были расширены книзу и подшивались подкладкой из ткани приятного цвета. На рукав от локтя до запястья нашивались петли и пуговицы. В случае необходимости нарукавник застегивался при помощи пуговиц, и получалось подобие рукава. Для фиксации нарукавников на запястье пришивались петли и пуговицы, иногда края рукава пришивались друг к другу, образуя, таким образом, нечто наподобие манжет. Рукав иногда перекидывался через плечо или, прикрепляясь, друг к другу, перекидывался на спину.

Изучение фактических, научных и этнографо-полевых материалов показывает, что чуха в конце XIX–начале XX века являлась одним из самых популярных видов мужской одежды после папахи. Чуха, занимавшая важное место в одежде нашего народа на протяжении тысячелетий, с небольшими дополнениями и изменениями сохранилась до наших дней. В советское время чуха была изъята из перечня повседневной одежды, однако сохранила значение как сценический костюм для танцевальных коллективов, что предотвратило исчезновение костюма из народной памяти и помогло сохранить симпатию к данному виду одежды.

Библиографический список

1. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий / В. В. Радлов. – Т. 3. – СПб., 1893.
2. Волкова, Н. Г. Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации / Н. Г. Волкова, Г. Н. Джавахишвили. – М., 1982.
3. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/usakov/467732.html>. – Дата доступа: 12.08.2023.
4. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/enc/bse/2059413.html>. – Дата доступа: 12.08.2023.
5. Олеарий, А. «Описание путешествия в Московию и через Московию в персию и обратно» А. Олеарий // Адыги, балгарцы и карачаевцы в известиях Европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – С. 82–86.
6. Kitabi-Dədə Qorqud. – Bakı, 2004.
7. Kaşğari, M. Divani-lügət-it-türk. 4 cilddə. III cild / M. Kaşğari. – Bakı, 2006.
8. Kaşğari, M. Divani-lügət-it-türk. 4 cilddə. I cild / M. Kaşğari. – Bakı, 2006.
9. Mustafayev, A. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi / A. Mustafayev. – Bakı, 2009.
10. Лермонтов, М. Ю. Демон [Электронный ресурс] М. Ю. Лермонтов. – Режим доступа: http://lermontov.info/text/demon_p.shtml. – Дата доступа: 12.08.2023.

ПОСЛОВИЦЫ С КОЛОРОНИМАМИ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Го Цзюцин (Могилев, Беларусь)

Цвет выступает одной из основных категорий культуры, в которой зафиксирована информация о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира. Цвет, как известно, является компонентом культуры, поэтому окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, разнообразием нравственно-эстетических оценок [18].

В культуре разных народов эмоциональное восприятие цвета очень различно, что связано с историческими традициями внутри этнического и религиозного пространства. Отсюда различия в восприятии универсальных для всех народов белого и черного цвета (например, траур или радость – в зависимости от культуры, религии) [1].

В устойчивых выражениях любого языка много лексических компонентов, которые обозначают цвет (колоронимов). Особенно много их в устойчивых сравнениях и фразеологизмах [17], а также в пословицах [2]. Такие выражения вместе с лексическими единицами, которые обозначают цвет, составляют отдельную подсистему единиц в словарном фонде языка и представляют колористический компонент национальной языковой картины мира. Знание языковых средств выражения цвета входит в состав базовых языковых компетенций при преподавании языка как иностранного, в том числе русского и китайского [7; 10; 11].

Цель исследования – выявить общие и специфические черты в составе колоронимов как компонентов пословиц в китайском и русском языках.

Методологическим основанием исследования послужила лингвистическая теория паремиологии [13–15], теория пословиц как афористических единиц языка [4; 6], теория сопоставления пословиц разноструктурных языков [9; 20], теория универсальности и национальной специфичности пословичного фонда языка [5; 16; 21], теория пословичного минимума и основного пословичного фонда языка [3; 19], теория репрезентации пословичного фонда в двуязычном словаре [8, с. 3–9]. В исследовании использованы сопоставительный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа значения лексических единиц, метод лингвокультурологического анализа лексической и паремиологической семантики, метод случайной выборки языкового материала, количественный метод.

В результате сопоставительного анализа 250 пословиц с компонентами-колоронимами в русском языке, извлеченных методом случайной выборки из словаря В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой «Большой словарь русских пословиц» (2010) [12] и 250 пословиц с компонентами-колоронимами в китайском языке, извлеченных методом случайной выборки из справочника Вэнь Дуаньяжэна 温端政, 中国谚语大全. 全两卷. 上海辞书出版社 (Вэнь Дуаньяжэн. Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок) (2004) [22], выявлен состав компонентов-колоронимов в пословицах китайского и русского языков, определены семантические и лингвокультурологические основания реализации колоронимов в пословицах, установлены общие и специфические черты категоризации цветообозначения в пословицах китайского и русского языков, их различия в типологическом и лингвокультурологическом аспектах.

Общие закономерности употребления колоронимов в пословицах русского и китайского языков проявляются в следующем.

1. Употребление колоронимов как в прямом, так и в переносном значении в пословичных текстах. Употребление колоронимов в переносных значениях связано с утратой цветообозначения и номинацией качественных или символических признаков, например, «чистый, чистота», «красивый, красота», «добрый, доброта», «злой, зло». В таких случаях колоронимы становятся ключевым смысловым компонентом пословиц и формируют их обобщенные значения.

2. Преимущественное употребление первичных колоронимов (с основным значением цвета), обозначающих как ахроматические, так и хроматические цвета.

3. Продуктивность преимущественно двух ахроматических колоронимов (рус. белый, черный – кит. 白**bai** «белый», 黑**hēi** «черный») и одного хроматического колоронима (рус. красный, кит. 红**hóng** «красный»).

4. Схожесть устойчивой символики колоронима «белый» (рус. белый – кит. 白**bai** «белый») в значениях «светлое», «хорошее», «чистота», «невинность», «искренность»).

5. Схожесть устойчивой символики колоронима «черный» (рус. черный – кит. 黑**hēi** «черный») в значениях: «нехороший», «недобрый», «злой», «несчастье», «горе», «беда», «смерть»).

В обоих языках колороним «черный» обычно употребляется как переосмысленный и имеет негативные коннотации.

6. Регулярная реализация универсальной оппозитивной структурно-семантической модели пословиц с колоронимами, при существенных расхождениях в синтаксическом строе сопоставляемых языков. Колоронимы (белый – черный; красный – белый; красный – зеленый, красный – черный и др.) в данной модели предстают как основной конструктивный элемент, напр.: рус. Бела береста, да деготь черен; Черное к белому не пристанет; кит. 黑发不立志 白头枉叹气 (Если вы не будете усердно работать, когда у вас черные волосы, вы пожалеете об этом, когда ваши волосы будут белыми); 白的成不了黑的, 黑的成不了白的 (Белое не может стать черным, а черное не может стать белым).

Специфика употребления колоронимов в пословицах как фразовых текстах состоит в следующем.

1. Различная продуктивность колоронимов. Так, из 11 выделенных цветообозначений активно используется в русском языке 7 цветообозначений (черный, белый, красный, зеленый, синий/голубой, серый), в китайском языке – 8 цветообозначений (黄huang «желтый», 白bai «белый», 黑hēi «черный», 红hóng «красный», 绿lǜ «зеленый», 灰huī «серый», 紫zǐ «фиолетовый», 褐hè «коричневый»).

2. Разная частотность употребления цветового спектра колоронимов. Так, в русском языке существенно преобладают 4 колоронима – два ахроматических (белый, черный) и два хроматических (красный, зеленый); в китайском же 5 колоронимов – два ахроматических (白bai «белый», 黑hēi «черный») и три хроматических (黄huang «желтый», 红hóng «красный», 绿lǜ «зеленый»).

3. Различия в частеречном выражении компонентов-колоронимов.

4. Разница в частотности употребления колоронимов в прямом, так и в переносном значениях. Так, колоронимы в русских пословицах употреблены в переносном значении в 69,5 % случаев, в прямом значении в 30,5 % случаев. В китайских пословицах колоронимы употреблены в переносном значении в 45,5 % случаев, в прямом значении в 54,5 % случаев.

В результате анализа символических значений основных колоронимов, выявленных на материале 250 пословиц в русском языке и 250 пословиц в китайском языке, определена универсальная и специфическая символическая семантика колоронимов белый, черный, красный, желтый, зеленый, синий, голубой. Универсальная цветовая символика отражает интернациональные представления о цвете, сложившиеся в русской и китайской лингвокультурах. Различия в символике цвета, обнаруженные при сопоставлении русских и китайских пословиц, отражают национальную специфику цветовой картины мира в русской и китайской лингвокультурах.

Библиографический список

1. Берлин, Б. М. Основные цветовые термины: их универсальность и видоизменения / Б. М. Берлин, П. Кей. – М. : Просвещение, 1969. – 196 с.
2. Бредис, М. А. Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц / М. А. Бредис, Е. Е. Иванов // Вопросы лексикографии. – 2022. – № 26. – С. 5–29.
3. Иванов, Е. Е. «Основной паремиологический фонд» русского языка и его соотношение с «паремиологическим минимумом» / Е. Е. Иванов // Мир русского слова и русское слово в мире : в 7 т. – София : Heron Press, 2007. – Т. 2. – С. 152–156.
4. Иванов, Е. Е. Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах / Е. Е. Иванов // Вестник РУДН: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13. – № 4. – С. 898–924.
5. Иванов, Е. Е. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления / Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина, Ю. А. Петрушевская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035.
6. Иванов, Е. Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 157–170.

7. Иванов, Е. Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) / Е. Е. Иванов // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте : сб. науч. статей / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : МГУ имен А. А. Кулешова, 2012. – С. 3–7.
8. Иванов, Е. Е. Русско-белорусский паремиологический словарь / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. – 242 с.
9. Иванов, Е. Е. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц / Е. Е. Иванов, Н. К. Романова // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2006. – С. 161–164.
10. Лю, Тинтин. Китайско-белорусский словарь пословиц с русскими соответствиями / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2021. – С. 114–119.
11. Лю, Тинтин. Национально-культурная семантика китайских народных устойчивых изречений в лингвострановедческом аспекте (при преподавании китайского языка как иностранного русскоговорящим) / Лю Тинтин, Е. Е. Иванов // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ, 2017. – С. 71–73.
12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.
13. Паремология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
14. Паремология в дискурсе / под ред. О. В. Ломакиной. – М. : Ленанд, 2015. – 304 с.
15. Паремология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. – М. : Изд-во РУДН, 2021. – 246 с.
16. Петрушевская, Ю. А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) / Ю. А. Петрушевская // Acta Germano-Slavica. – 2015. – Вып. 6. – С. 213–216.
17. Устойчивые сравнения в системе фразеологии : коллективная монография / отв. ред. В. М. Мокиенко. – СПб. : СПбГУ : ЛЕМА ; Greifswald : E.M.A.-Universität, 2016. – 277 с.
18. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 278 с.
19. Ivanov, E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian) / E. Ivanov. – Prague : RSS, 2002. – 136 p.
20. Ivanov, E. E. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) / E. E. Ivanov, V. L. Feldman // Acta Germano-Slavica. – 2007. – Вып. 1. – С. 85–97.
21. Petrusheuskaya, Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language / Y. Petrusheuskaya // Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science. – 2019. – № 2. – Pp. 115–121.
22. 温端政, 中国谚语大全. 全两卷. 上海辞书出版社, 2004年. 总页数 2386页. (Вэнь, Дуаньяжэн. Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок / Дуаньяжэн Вэнь. – Шанхай : Shanghai Dictionary Publishing House, 2004. – 2386 с.).

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИКТОРИИ ТОКАРЕВОЙ

О. Е. Горбацевич (Минск, Беларусь)

Сюжет художественного произведения, как правило, развивается по законам реальной жизни, а это значит, что, обладая определённым опытом, читатель старается установить причинно-следственные связи между явлениями, предугадать логическую последовательность событий, сделать какие-то выводы об особенностях или характерах персонажей, их